

Э.Д. Днепров

ПОПЫТКА КОНТРЕФОРМЫ СРЕДНЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. 1884—1894

Реформа среднего женского образования, проходившая в несколько этапов с конца 1850-х годов и до начала 1870-х годов, имела пять главных результатов. Она:

1) создала открытую всесословную среднюю женскую школу, что существенно расширило и демократизировало женское образование;

2) сформировала основную часть женского образования в лице министерских женских гимназий и прогимназий как структуру общественно-государственную — прежде всего по типу финансирования и характеру управления учебными заведениями;

3) провела идею единства, преемственности в системе женского образования, установив, с одной стороны, непосредственную связь между женскими гимназиями и прогимназиями, между полной и неполной женской средней школой, а с другой — их связь с начальным образованием;

4) существенно усилила учебный курс женских гимназий и тем самым, преодолев «второсортность» женского образования, значительно сблизила его с мужским средним образованием;

5) предоставила широкие права выпускницам женских учебных заведений, сориентировав их на педагогическую деятельность как на важнейшую сферу развивающегося женского труда, и, как следствие, превратила женскую среднюю школу в важнейший фактор развития начальной народной школы, поставляя для нее значительную часть учительских кадров.

Именно эти основные достоинства реформы женского образования 1860-х годов стали главным объектом атаки реакции в период зарождения и подъема второй волны школьных контрреформ (1880-е годы), а особенно в ходе проведения этих контрреформ.

Динамичное развитие министерских женских гимназий, в короткое время занявших ведущее место в системе среднего женского образования, вызвало уже вскоре после утверждения Положения 1870 г. нескрываемое недовольство властных реакционных кругов. Комиссии, рассматривавшие ежегодные отчеты Министерства народного просвещения в 1877 и 1878 гг., не без раздражения подчеркивали, что число женских гимназий «превышает имеющуюся

в них потребность» и что они «искусственно привлекают к себе лиц тех сословий, для которых среднее образование излишне». Для девиц этих сословий комиссии предлагали открывать низшие училища и профессиональные школы, дающие «образование, вполне соответствующее их жизненным потребностям и не клонящееся к отчуждению их от их общественной среды» [РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 701. Л. 86–87 об.; Д. 738. Л. 16–17 об.; выделено авт.].

Данная мысль была решительно поддержана на Особом совещании министров в июле 1879 г. Определяя перспективы развития среднего женского образования в ближайшем будущем, совещание указывало: «Дальнейшее умножение женских гимназий не представляется желательным... напротив того... правительство могло бы благосклонно относиться к учреждению в городах элементарных женских училищ и при них, а иногда и отдельно от них — профессиональных школ и курсов для приготовления лиц женского пола к тем профессиям, которые не требуют ни высшего, ни даже среднего образования» [РГИА. Ф. 908. Д. 395. Л. 40–41].

Таким образом, ради политических соображений власть шла на явную подмену социально-педагогических задач. Объективная потребность в развитии профессионального женского образования, для реализации которой правительство, по существу, ничего не сделало до середины 1890-х годов, противопоставлялась и, более того, иногда перечеркивала другую, не менее объективную, потребность — в развитии общего среднего женского образования, движущей силой которого с 1860-х годов стали общественная инициатива и общественные средства. Иными словами, вместо параллельного развития этих двух необходимых структур женского образования предлагалось развивать одну за счет другой, с явным снижением общего уровня женского образования за счет сокращения женских гимназий. При этом каких-либо стимулов и реальных механизмов формирования женских профессиональных школ не создавалось.

Рост общественного движения в период второго демократического подъема в России конца 1870-х — начала 1880-х годов и новый кризис власти в этот период помешали переходу правительства к откровенно контрреформаторскому курсу, составной частью которого был второй эшелон школьных контрреформ и, в частности, планируемая реорганизация женского образования. Но, выйдя из кризиса и стабилизировав свое положение, самодержавие начало контрреформаторское наступление по всему фронту.

В этот период вся предшествующая правительственная политика в области женского образования была признана по сути ошибочной. Новый министр народного просвещения И.Д. Делянов во всеподданнейшем докладе 1884 г. подчеркивал три главные, с его точки зрения, ошибки, допущенные правительством при реформировании женского образования: 1) создание сословных женских гимназий; 2) открытие при них специальных педагогических классов, ибо эти классы, по словам Делянова, привлекали в гимназии «таких лиц, которым свойственно было бы искать элементарного образования»;

3) создание высших женских курсов, которое прямо объявлялось «роковой случайностью» [З. С. 660]. Для устранения этих ошибок и случайностей, по мнению Делянова, необходимо было принять срочные меры. С целью разработки этих мер в декабре 1884 г. была учреждена особая «Комиссия об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования» под председательством товарища министра народного просвещения кн. М.С. Волконского.

Деятельность комиссии Волконского, взявшей на себя труд подготовки контрреформы женского образования, никогда не была предметом самостоятельного исследования — ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Между тем она представляет собой один из наиболее ярких примеров поражения образовательной политики власти в столкновении с реальностью, с потребностями развития образования и страны. Во-первых, потому, что она была одной из наиболее жестких и решительных попыток правительства сломать ту линию развития женского образования, которую сформировала эпоха «великих реформ». И, во-вторых, потому, что, несмотря на многоформатность и десятилетнюю продолжительность этой акции, она потерпела полный провал, не оказав практически никакого влияния на развитие российского женского образования.

Правительство ставило деятельность комиссии Волконского (в состав которой входило свыше пятидесяти представителей трех ведомств — Министерства народного просвещения, Ведомства учреждений императрицы Марии и Святейшего синода) в прямую связь со всеми школьными контрреформами 1880-х годов. За введением нового университетского устава 1884 г. и началом насаждения в том же году церковно-приходских школ, за попытками сословного очищения мужских гимназий и разгрома реальных училищ в 1886–1887 гг. [1. С. 84] наступал черед женской школы. Как отмечал Государственный совет, «преобразовательное это движение завершается поставленным ныне на очередь вопросом о системе женского у нас образования» [Ф. 1149. Оп. XI. 1894. Д. 12. Л. 815 об.].

Вторая волна школьных контрреформ 1880-х годов шла в русле общего контрреформаторского курса эпохи и решала — в частности, в сфере женского образования — три главные задачи: 1) возврат (или попытка возврата) к старой системе сословного устройства образования; 2) усиление правительственного вмешательства в дела школы, в том числе женской, или возвратное ее огосударствление и 3) политическое воздействие на содержание школьного образования с целью удаления из него «злонамеренных идей». Четвертой задачей, специфической для женского образования, было устранение одного из основных достижений реформы 1860-х годов — права выпускниц женских учебных заведений на получение учительских званий.

Все эти задачи были взаимосвязаны, и рассматривались они преимущественно под углом зрения стержневой идеи образовательной политики власти — идеи **возврата к старой сословной организации школы**. Возврат к прежней сословной организации общества был ключевым моментом и в общей системе контрреформ

1880-х годов. «Если в реформах прошлого царствования, — писал в то время один из идеологов самодержавия А.Д. Пазухин, — мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию, то задача нынешнего должна состоять в восстановлении разрушенного» [2. С. 57].

Эту идею восстановления сословного неравенства в образовании Министерство народного просвещения и комиссия Волконского проводили решительно и неуклонно, исходя из того, что «искусственное привлечение в ту или другую школу учащихся, которые по общему своему умственному развитию и по другим условиям жизни недостаточно подготовлены для восприятия сообщаемых этой школой знаний, является не только не полезным, но даже вредным» [РГИА. Ф. 1149. Оп. XI. 1894. Д. 12. Л. 17]. Отсюда проистекал вывод о том, что *женские гимназии должны «служить для удовлетворения образовательных нужд преимущественно высших классов населения»*. Женские же прогимназии, по мнению комиссии Волконского, *необходимо «упразднить, а взамен их учредить мариинские (типа женских городских училищ. — Прим. авт.) и профессиональные женские училища, имеющие свою целью сообщать воспитанницам вместе с законченным общим элементарным образованием также и известные профессиональные знания»* [Д. 12. Л. 19 об.; выделено авт.].

Вместе с тем в свете задачи такого «облагораживания» учебного курса самих женских гимназий и удаления из него всего «неблагонамеренного» комиссия полагала, что «женское среднее образование должно основываться на филологическом начале, а потому в женских гимназиях, за отсутствием древних языков, основными предметами должны быть русский и новые иностранные языки» [Д. 12. Л. 25 об.]. Гуманитарные же предметы вроде истории и географии становились вторичными, а естественно-математический цикл — третичным или десятеричным. Так достаточно широкую гуманитарную направленность женских гимназий пытались заменить узкофилологической.

При этом вновь открыто выводились на поверхность и сословные соображения такого изменения содержания образования. По мнению комиссии Волконского, с введением в обязательный курс гимназий двух новых языков *«должен измениться состав учениц женских гимназий в смысле понижения процента учениц из низших сословий и семейств, для которых изучение обоих новых языков, по неимению вовсе домашней практики, является затруднительным»* [Д. 12. Л. 25 об.; выделено авт.].

Таким же «двуствольным залпом», решающим сразу две задачи, должна была стать, в глазах комиссии Волконского, и **отмена прав на учительские звания после окончания женских гимназий**. *Во-первых*, по мнению комиссии, такая отмена устранил тот «вред», который приносят школе «малоподготовленные» выпускницы открытых женских гимназий. Комиссия предлагала оставить право на учительские звания только воспитанницам закрытых женских институтов и

полузакрытых епархиальных училищ, поскольку они, «находясь под строгим надзором, получают весьма хорошее воспитание и привыкают к точному и неуклонному выполнению своих обязанностей» [Д. 12. Л. 30]. И, во-вторых, комиссия полагала, что «легкость приобретения учительских прав служит весьма сильным средством для привлечения в женские средние учебные заведения таких воспитанниц, которые ни по общему развитию среды, из которой они вышли, ни по материальному положению своих родителей не имеют данных для успешного прохождения гимназического курса» [Д. 12. Л. 29].

Наконец, **попытка огосударствления женских гимназий**, предпринятая комиссией Волконского, была также мало перспективной, а точнее — наименее реалистичной, что и сыграло решающую роль в предании забвению всех ее трудов. Комиссия исходила из того, что для полного подчинения правительству женских гимназий «источниками содержания сих заведений» должны служить «прежде всего средства государственного казначейства, затем суммы городских обществ и земств и, наконец, пожертвования частных лиц» [Д. 12. Л. 20–20 об.]. Эта исходная посылка комиссии была вдребезги разбита министром финансов С.Ю. Витте, который не только сохранил женские гимназии, но и перечеркнул весь десятилетний труд комиссии Волконского.

В ходе рассмотрения материалов комиссии в Государственном совете С.Ю. Витте показал, основываясь на фактах, что «правительство уделяет ныне на женские гимназии менее 10% всей потребной на их содержание суммы. Остальные свыше 90% этого расхода падают на долю земств, городов, разного рода обществ и сословий и частных лиц». «Обстоятельством этим оправдываются, — отмечал Витте, — а может, им отчасти даже обусловлены постановления действующего закона (Положения 1870 г. — Прим. авт.) о характере (общественно-государственном. — Прим. авт.) средних женских учебных заведений и роли учреждений, сословий и лиц, участвующих в их содержании» [Д. 12. Л. 816 об.].

Возложить содержание женских учебных заведений на казну С.Ю. Витте считал абсолютно невозможным. Рассуждая как истинный государственный деятель и выдвигая стратегические задачи развития российского образования, Витте подчеркивал, что «наиболее неотложными являются ныне меры, клонящиеся к развитию начального народного образования». Потребность эта и должна быть удовлетворена прежде всех других. Далее необходимо озаботиться распространением технического профессионального образования в народе. Тогда только, когда обе указанные отрасли учебного дела будут удовлетворительно поставлены, наступит для правительства время и возможность уделять из казны новые средства на среднее образование в женских гимназиях. «При таких условиях, — отмечал Витте, — обходиться без содействия земств, городов, сословий и отдельных жертвователей в доставлении этих средств, а равно затруднять учреждение женских учебных заведений частными лицами было бы с финансовой точки зрения крайне нежелательно».

Так «экономика» ставила ограничительные барьеры «политике». Мудрый С.Ю. Витте подчеркнул и крайнюю нежелательность ряда других политических контрреформаторских затей комиссии Волконского «с финансовой точки зрения». Журнал заседания соединенных департаментов законов и государственной экономики Государственного совета, которое рассматривало итоги десятилетней деятельности комиссии Волконского, фиксирует позицию С.Ю. Витте следующим образом: «Со своей стороны, оценивая предлагаемые (комиссией. — Прим. авт.) меры, тайный советник Витте считает долгом указать на вероятное их влияние в финансовом отношении. Следует ожидать, что при проектируемой постановке вопросов не только о приеме в женские гимназии, но и об управлении ими земства, а равно городские и сословные общества могут отказаться от учреждения учебных заведений сего типа, а также от ассигнования новых пособий на их содержание... *Затруднительным окажется привлечь земские и городские учреждения, имеющие характер всесословный, к расходам на содержание училищ с составом обучающихся из высших главным образом сословий, если сверх того будет сужена также и степень участия названных учреждений в деле заведования женскими гимназиями. Требования же, предъявляемые проектом к гимназиям, содержащимся частными лицами, до того строги, что введение их в закон несомненно повлечет за собою закрытие всех учебных заведений этой категории*» [Д. 12. Л. 817; выделено авт.].

Иными словами, С.Ю. Витте, имевший мощное влияние на формирование правительственной политики, однозначно дал понять, что проекты и предложения комиссии Волконского не только неосуществимы, но и вредны. Ибо они могут, во-первых, привести к резкому свертыванию женского образования, потребность в котором постоянно возрастала. И, во-вторых, предложения комиссии могут вызвать широкое общественное недовольство различных сословий, включая и беднеющее дворянство, в чем никак не было заинтересовано самодержавное правительство. «Выслушав это заявление тайного советника Витте, —отмечается в журнале Государственного совета, —департаменты не могли не принять его *в особое внимание*. Освещая с новой стороны обсуждаемые предположения, *доводы тайного советника Витте заставляют усомниться в целесообразности правил проекта, касающихся степени участия общественных и сословных учреждений в деле женского образования*» [Д. 12. Л. 817 об.; выделено авт.]

Доводы С.Ю. Витте заставили Государственный совет усомниться и во многих других предложениях комиссии Волконского, результаты работы которой в итоге были отвергнуты.

Итак, «гора родила мышь». Десятилетняя работа комиссии, которая оставила после себя свыше 50 томов архивных дел, в которой принимали участие десятки представителей различных ведомств и учреждений, для которой сотни страниц отзывов писали губернаторы, попечители учебных округов, директора многих учебных заведений

и пр., кончилась практически ничем. В 1894 г. в связи с изменившейся социально-политической обстановкой в стране и началом нового общественного подъема Государственный совет вынужден был отклонить все проекты и предложения, подготовленные комиссией М.С. Волконского.

В итоге комиссии не удалось ни удержать развитие среднего женского образования, ни сломать его учебный курс, ни ввести его в старое сословное русло. Не предприняла комиссия Волконского никаких существенных мер и для создания низших женских училищ, число их было ничтожно. Профессиональных же женских школ она не создала вовсе. Единственным реальным «успехом» комиссии было закрытие в 1886 г. высших женских курсов. Передовой общественности удалось тогда отстоять только Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Остальные были открыты лишь спустя 14 лет, в 1900 г.

1. *Днепров Э.Д.* Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984.
2. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
3. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература
